

Новогодние и рождественские праздники — в числе наших самых любимых. "Чудо рождественской ночи" всегда хочется продлить. Вернуть его таинственное очарование можно, если отправиться в драматический театр имени И.С. Тургенева. Здесь на малой сцене — в театре графа Каменского — идёт спектакль "Жемчужное ожерелье. Полуночное видение", поставленный по святочным рассказам Н.С. Лескова с их "пёстрыми, страстными, прихотливыми" сюжетами (по определению самого писателя — нашего прославленного земляка).

Этот жанр литературной традиции — святочный рассказ (незамысловатый или изобретательный, трогательно-сентиментальный или немного насмешливый, но всегда очень добрый) — после долгих десятилетий незаслуженного забвения снова возвратился к нам, на этот раз в виде сценической постановки. Она идёт уже несколько лет и пользуется неизменным успехом и одобрением публики всех возрастов.

В маленьком зрительном зале и на камерной сцене театра-музея графа Каменского мы ощущаем подлинную святочную атмосферу, воссоздающую эффект уютной "запертой рождественской комнатки", когда снаружи воет метель и трещит мороз, а внутри веет теплом, как от горящих поленьев. Для такой обстановки характерна ситуация "рассказывания": зрители — тесный кружок друзей, которые собрались в рождественский вечер у огонька, чтобы послушать удивительные и поучительные истории.

Спектакль создан по двум святочным рассказам Лескова — "Жемчужное ожерелье" и "Маленькая ошибка". Удачно выстраивается мозаичная композиция театрального действия: эпизод цепляется за эпизод, в самом деле нанизывается, как бусины "ожерелья", на единую основу. Три рассказчика на сцене — фигуры довольно условные, которые по мере развертывания сюжета перевоплощаются в персонажей своих историй. Одному из них дано имя Галактион Ильич — одного из самых загадочных святочных рассказов Лескова. Начитанного зрителя это тоже настраивает на некую тайну, ожидание чуда.

«НОЧЬ ПОД РОЖДЕСТВО» С ЛЕСКОВЫМ

Лесков предоставляет и читателю, и театральному интерпретатору, зрителю неограниченные возможности "сотворчества", развития, движения к новому, неоткрытому. Отрадно, что в театре постарались уловить и передать не только жанровое своеобразие традиционного святочного рассказа, но именно новаторство Лескова в трактовке святочной темы. Ведь наш классик выступил и блистательным художником-практиком, и явился одним из первых теоретиков жанра, дал его дефиницию — именно в рассказе "Жемчужное ожерелье". Важно, что этот текст в инсценировке сохранён и лесковское определение звучит со сцены. Может быть, многие зрители впервые открывают для себя, что же это такое — святочный рассказ. "От святоч-

ного рассказа непременно требуется, — поясняет актёр своим собеседникам словами Лескова, — чтобы он был приурочен к событиям святочного вечера — от Рождества до Крещенья, чтобы он был хоть сколько-нибудь фантастичен, имел какую-нибудь мораль, хоть вроде опровержения вредного предрассудка, и наконец — чтобы он оканчивался непременно весело".

Чрезвычайно актуально для наших современников, что Лесков, оставаясь в рамках традиции, отошёл от застывших канонов жанра, требовавших обязательного вмешательства в действие потусторонних сил. Фантастическое у писателя — и это прекрасно показали орловские исполнители — проистекает не

из чего-то сверхъестественного, а из свойств русского духа, из самой русской действительности, которая бывает порой фантастичнее самой фантастики.

У Лескова многое построено на парадоксальных переходах от серьёзного к курьезному. В самом деле: что может быть абсурднее, когда кондовая замоскворецкая купчиха каждый день в тревоге бежит в сумасшедший дом посоветоваться с полубезумным "прорицателем"? "Там её и успокоят", — лукаво-иронично замечает Лесков. А "маловерный зять", о

анекдотизм самой жизни. С читателем и со зрителем он ведёт своеобразную игру: хотите — верьте, хотите — нет. И режиссёру-постановщику (Ирина Зубжицкая), и актерам наиболее удалась как раз эта смеховая, пародийно-ироническая сторона в сценической трактовке святочной темы.

Но особенность поэтики Лесковского творчества такова, что за пародийно-анекдотическим началом в подтексте всегда присутствует начало Божественное, скрытый иной план — лирико-философ-

Фото Сергея ЧУПАХИНА.

котором все в степенном купеческом семействе сокрушались, что есть у них в родстве такой человек без веры, устраняет назревающий в семье скандал из-за "маленькой ошибки" псевдочудотворца: тот якобы напроорочил скорое рождение ребёнка не молодой замужней женщине, а её сестрице-барышне. Причём герой вступает с растерявшейся тещей в лукавый диспут о вере и безверии: "Вот это уже нехорошо: сами вы меня постоянно неверием попрекали, а теперь, когда вере вашей дано испытание, я вижу, что вы сами немало не веруете. Неужто вам неясно, что виноватых нет, а просто чудотворец маленькую ошибку сделал?" Комическая подоплека здесь на поверхности.

Относясь с сугубой серьёзностью к вопросам веры, Лесков не уставал высмеивать профанацию чуда, бытовые заказы на чудеса. Писатель улавливает

ский: "мимотекущий лик земной" соотносится с вековечным, непреходящим. И даже самые абсурдные ситуации могут быть чреваты истинным чудом. "На то святки!"

А. НОВИКОВА.
Доктор филологических наук, профессор ОГУ.